

ТОЛМАЧЕВСКИЙ ЛИСТОК

ПАТРИАРШЕЕ СЛОВО ПОСЛЕ ОТПЕВАНИЯ
О.ДАНИИЛА СЫСОЕВА (Москва, 24 ноября 2009 г.)

Сегодня мы провожаем в путь всея земли отца Даниила Сысоева, всем нам хорошо известного московского пастыря. Его жизнь оборвалась по злой человеческой воле, он умер насильственной смертью. Казалось бы, служение священника есть самое мирное служение, потому что к миру призвал нас Господь. И все то, что говорит священнослужитель, обращаясь к людям, исполнено этим Божественным призывом: строить жизнь свою на основании Божиего закона, утверждая мир в отношениях с ближними и дальними.

На протяжении двух тысяч лет существования Церкви это свидетельство о мире Божиим многими и многими воспринималось с радостным биением сердца. Люди открывали и открывают навстречу Евангелию свое сердце, свой разум, пленяются Божественной истиной. Несмотря на многие искушения, соблазны, стереотипы жизни, которые формируют иное миробытие, чем бытие евангельское, люди, тем не менее, пытаются устроить свою жизнь на основе Божественного Слова.

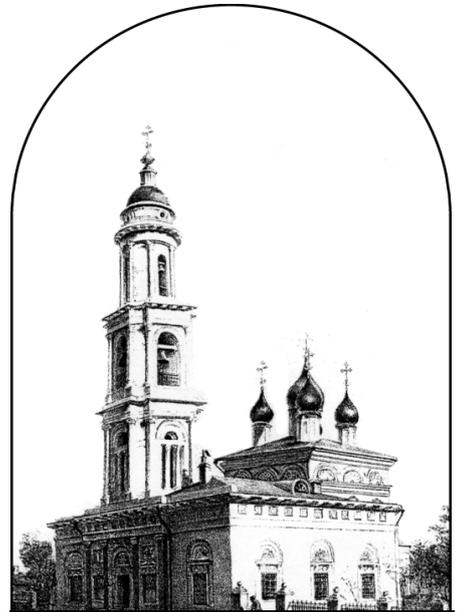
Но та же самая двухтысячелетняя история Церкви свидетельствует и о другом. Для многих это Слово – огромный вызов, требующий переосмысления всей жизни, своих внутренних установок. Иногда это Слово вызывает не радостное биение сердца, а невероятную, невыразимую злобу; и люди отдают все свои силы для того чтобы бороться с этим Божественным Словом. И наше время не является исключением. Как в прошлом, так и сегодня нередко против тех, кто свидетельствует о Божией правде, человеческая злоба обрушивается, в том числе, насильственные действия. Нет ничего нового в человеческой истории. Как замечательно сказал Тертуллиан, «кровь мучеников – семя христианства». Злобу и насилие обрушивают на тех, кто провозглашает Божию правду, те, у кого нет иных аргументов, у кого злоба застилает глаза. Не имея возможности умственно и сердечно противостоять слову священника, эти люди обрушивают на пастыря либо потоки клеветы и злых слов, либо даже поднимают руку.

Отец Даниил многое сделал для утверждения Божией правды. Он участвовал в различного рода дискуссиях, диспутах. В меру своих сил и талантов он отстаивал Божию правду. Но, наверное, самое сильное слово, которое он произнес, это то слово, свидетелями которого мы все являемся. Если человека убивают за Божию правду, то это значит, что правда сия разит людей, ее не приемлющих, это значит, что она обладает огромной силой. Вот почему слова Тертуллиана были подтверждены всей историей христианства. И каждая новая кровь, проливаемая за Христа, сеяла обильно семена веры, и собиралась жатва. Знаем, что и этот подвиг жизни и смерти отца Даниила есть великое семя, которое, будучи посеянным в плодородную почву, принесет свой плод.

Для всех нас, кто посвятил себя служению Господу, предстояние сему гробу должно побудить к глубоким размышлениям о смысле и характере проповеди в современном мире, о важности служить делу Божию так, чтобы каждое наше слово достигало ума и сердца слушающих, чтобы не впустую, не в духовной праздности и лени проходили дни нашей земной жизни.

Верим, что Господь примет душу раба Своего в небесные Свои обители, потому что он был верен Ему даже до смерти. Пусть и в наших сердцах сохранится вечная молитвенная память об убиенном рабе Божиим иерее Данииле.

Редакция ТЛ не могла не опубликовать воспоминания об отце Данииле Сысоеве. Однако, когда кровь священника обогрела стены храма, где он служил и проповедовал, когда его мученичество стало новым и, наверное, самым важным свидетельством его веры и проповеди, декабрьский номер газеты уже был сверстан. Многие прихожане и священнослужители храма знали о Данииле и пожелали написать воспоминания, статьи, о.Алексей Лымарев дал интервью, длившееся более часа, интервью, под конец которого батюшка плакал. Так родился этот номер ТЛ, который полностью посвящен почившему священнику. Слова, произнесенные о.Алексеем в конце беседы: «Я думаю, в Церкви родился новый мученик», запомнятся многим надолго. В греческом языке слово мученик означает свидетель, свидетель веры! И в этом номере мы будем стараться писать не о смерти – нет – мы бессмертны, а о жизни земной и рождении о.Даниила в жизнь вечную!

Ежемесячное издание Храма

свт. Николая в Толмачах
при ГТГ

Спецвыпуск, 2009. №12 (36)

*Патриаршее слово после
отпевания священника
Даниила Сысоева*

Биография о.Даниила

*О смерти мужа
Юлия Сысоева*

Слова мамы

*Жизнь за Христа
о.Алексей Лымарев*

*Живая вера
Владимир Торопов*

*Если Меня знали,
будут гнать и вас
Николай Беляков*

*Который есть величайшая
Радость, за которую можно
отдать все и саму жизнь
Прот. Аркадий Шатов*

*Он ходил пред Богом
Юрий Максимов*

СВЯЩЕННИК ДАНИИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ СЫСОВЕВ (1974-2009) БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Родился 12 января 1974 г. в Москве, в семье учителей – художников. Отец, священник Алексей Николаевич Сысов, ныне настоятель храма ап. Иоанна Богослова при Православной Классической Гимназии «Ясенево» и клирик храма Петра и Павла в Ясенево;

мать, Анна Мидхатовна Амирова – преподает в той же Гимназии Закон Божий.

31 октября 1977 г. удостоился Таинства святого Крещения в храме Живоначальной Троицы на Воробьевых горах свящ. Евгением.

С 1977 г. семья Сысовых стали постоянными прихожанами храма свят. Николая Чудотворца, что в Кузнецкой слободе. Затем ходили также в малый Собор Донского монастыря, храм Ризоположения на Шаболовке. Когда А.Н. Сысов работал алтарником в храме Усекновения Главы Иоанна Предтечи в с. Афинеево Московской обл., Даниил помогал ему в алтаре и пел на клиросе.

Летом 1988 г. Даниил участвовал в восстановительных работах в возрождающейся Оптиной Пустыни. Когда началось возрождение храма Всех Святых быв. Новоалексеевского монастыря, пел там на клиросе, и настоятель о. Артемий Владимиров рекомендовал Даниила к поступлению в Московскую Духовную Семинарию.

В 1991 г., после окончания средней школы, поступил в Московскую Духовную Семинарию. Участь в Семинарии, нес послушание певца и уставщика смешанного хора Регентской школы.

19 декабря 1994 г. Преосвященный Ростислав еп. Магаданский и Чукотский хиротесировал Даниила во чтеца.

22 января 1995 г. венчался с Юлией Михайловной Брыкиной. Таинство Венчания было совершено в гимназическом храме ап. Иоанна Богослова свящ. Дионисием Поздняевым. В этом же году родилась дочь Иустина.

13 мая 1995 г. Преосвященный Евгений еп. Верецкий рукоположил Даниила в сан диакона.

14 июня 1995 г. закончил Московскую Духовную Семинарию по первому разряду и поступил на Заочный Сектор Московской Духовной Академии.

По окончании Семинарии назначен Патриаршим Указом штатным клириком храма Успения Пресвятой Богородицы в Гончарах – Болгарского Подворья.

С сентября 1995 г. преподавал Закон Божий в старших классах Православной Классической Гимназии «Ясенево».

24 мая 2000 г. за преподавание был награжден благодарственной грамотой Отдела религиозного образования и катехизации.

С августа 1996 г., по благословению Святейшего Патриарха, вел миссионерские библейские беседы с людьми, пострадавшими от деятельности сект и оккультистов на Крутицком Патриаршем Подворье. После создания Душепопечительского центра имени св. прав. Иоанна Кронштадтского под руководством иеромонаха Анатолия (Берестова), стал его сотрудником.

9 июня 2000 г. Совет Московской Духовной Академии утвердил тему кандидатской диссертации «Антропология Адвентистов Седьмого дня и Общества Сторожевой Башни и ее анализ».

В 2000 г. о. Даниил окончил Московскую Духовную Академию. Кандидат богословия.

В 2001 г. рукоположен в сан священника. В том же году родилась вторая дочь – Дорофея.

Служил в храме ап. Петра и Павла в Ясенево (Москва).

В ноябре 2003 г., по благословению Святейшего Патриарха, создана община строящегося на Кантемировской храма во имя пророка Даниила. Ее организатором был о. Даниил. На время строительства поблизости был возведен временный деревянный храм во имя апостола Фомы, который был освящен 19 октября 2006 года. Его настоятелем стал о. Даниил. При храме развивалось миссионерское движение, включавшее в себя курсы подготовки православных «уличных миссионеров», задачей которых стало привлечение людей к православному вероучению посредством обращения к прохожим на улице.

Так же о. Даниил был секретарем миссионерско-просветительского центра «Шестоднев». Сотрудник центра реабилитации жертв тоталитарных культов и псевдорелигиозных движений во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского.

19 ноября 2009 года был смертельно ранен в храме апостола Фомы двумя выстрелами из пистолета. Убийце, бывшему в маске, удалось скрыться.

20 ноября того же года скончался на операционном столе в 0:15.

23 ноября 2009 года состоялось отпевание о. Даниила Сысова в храме Петра и Павла в Ясенево, которое возглавил архиепископ Арсений (Елифанов). По окончании отпевания Патриарх Кирилл совершил у гроба почившего заупокойную литию.

Отец Даниил похоронен на территории храма Спаса Нерукотворного Образа на Сетуни на Кунцевском кладбище в Москве.

У о. Даниила осталась семья – матушка Юлия и три дочери Иустина, Дорофея и Ангелина.

Из под пера о. Даниила вышло множество популярных богословско-миссионерских книг, постоянно переиздававшихся: «Летопись начала» (2 издания: 1999 и 2003 гг.); «Прогулка протестанта по православному храму» (2 издания: 2001 и 2002); «Антропология Адвентистов Седьмого дня и свидетелей Иеговы» (2002); «Кто, как Бог?» или сколько длился день творения» (2003); «Почему ты еще не крещен?» (2 издания: 2004 и 2008); «Брак с мусульманином» (2 издания: 2006 и 2007); «Замуж за неверующего?» (2007); «Зачем ходить в храм каждое воскресенье?» (2 издания: 2007 и 2008). Статьи в сборнике: «Шестоднев против эволюции» (2000); А Статьи в Альманахе: «Божественное Откровение и современная наука» (2001 и 2005); Статьи в сборнике: «Иску-

шения наших дней. В защиту церковного единства» (2003); Статья в сборнике: «Православный ответ исламу (на примере одного отступничества)» (2007), «Инструкция для бессмертных или что делать, если Вы все-таки умерли...» (2009).

Миссионерский портал
при храме пророка Даниила на Кантемировской
<http://mission-center.com/index.php/2009-11-09-22-07-16>

О СМЕРТИ МУЖА

Спасибо, дорогие, за поддержку и молитвы. Эта боль, которую не выразить словами. Это та боль, которую испытывали стоящие у Креста Спасителя. Эта та радость, которую не выразить словами, это радость, которую испытывали пришедшие к пустому Гробу.

Где твое жало, смерть?

Отец Даниил предвидел свою кончину еще за несколько лет до случившегося.

Он всегда хотел удостоится мученического венца, и Господь дал ему этот венец. Те, кто стрелял в него, хотели очередной раз сделать плевок в лицо Церкви, как когда-то плевали в лицо Христа, но этим они не достигли желаемого, так как Церкви плюнуть в лицо невозможно. Отец Даниил взошел на свою Голгофу прямо в храм, который строил, которому отдавал все свое время и все свои силы. Его убили как древнего пророка – между алтарем и жертвенником, и он по праву удостоился мученического звания.

Он умер за Христа, Которому служил всеми своими силами.

Очень часто он говорил мне, что боится не успеть, очень много не успеть. Он торопился. По человечески у него были перегибы и перекосы, он оступался и ошибался, но он не ошибался в главном, его жизнь была полностью посвящена ЕМУ.

Я не понимала, почему он торопится. Последние три года он занимался служением без выходных и отпусков. Я роптала, мне хотелось, хоть иногда, простого счастья, чтобы муж и отец был со мной и детьми. Но ему был уготован другой путь.

Он говорил, что его убьют. Я его спрашивала, а на кого же он оставит нас. Меня и троих детей. Он отвечал, что отдаст нас в надежные руки. «Я отдам вас Божией Матери, Она будет заботиться о вас».

Эти слова были забыты до времени. Он завещал, в каком облачении его хоронить. Я тогда шутила, что не надо об этом говорить, еще не известно, кто кого хоронить будет. Он сказал, что я его буду хоронить. Как-то раз у нас зашел разговор об отпеваниях, не помню этот разговор, но я тогда сказала, что вот на священническом отпевании ни разу не была. А он ответил, что ничего, на моем побываешь.

Теперь многие слова вспомнились и обрели свой смысл. Теперь мои недоумения разрешились, непонимания рассеялись.

Мы не попрощались в этой жизни, не попросили друг у друга прощения, не обняли друг друга. Это был обычный день: он ушел утром на литургию, и больше я его не видела.

Почему я не поехала в тот день в храм встретить его? Ведь были такие мысли, но я решила, что надо готовить ужин и укладывать детей спать. Из-за детей я не поехала туда – Рука не пустила меня. А накануне я ездила в храм и встречала его. Я чувствовала, как тучи сгущаются над нами. И последние дни я пыталась быть чаще с ним. Последнюю неделю я думала только о смерти и о жизни за пределом смерти. У меня в уме не укладывалось ни то, ни другое. В тот день в моей голове крутились слова: смерть дышит в затылок. Мне было так тяжело в эту последнюю неделю, словно тонны груза свалились на меня.

Я не надломлена. Он поддерживает меня, я чувствую, что он рядом. В это время мы сказали друг другу столько ласковых слов, сколько не говорили за всю свою жизнь. Только сейчас я поняла, как сильно мы любили друг друга.

Сорок дней отца Даниила приходится накануне его именин и престольного праздника будущего храма – 29 декабря, а 30 декабря – пр. Даниила. По пророчеству старца, храм будет построен, но отец Даниил не будет в нем служить. Второе уже исполнилось.

Матушка Юлия Сысоева

СЛОВА МАМЫ

Мама отца Даниила Анна Михайловна рассказала, что о. Даниил с детских лет хотел стать священнослужителем: «Идеей служения загорелся с младых ногтей. Вместо детских игр у него были литургии и проповеди. Станет, бывало, посреди комнаты и проповедует развешанным полотенцам. Я пыталась запретить, мол, богохульство. А он все клянчил: можно, я хоть маленькую проповедь, шепотом».

Она также рассказала, что сын подговаривал ее к своей смерти. «Так легонько, исподтишка – нет-нет, да и заведет разговор про мучеников. Мол, вот кому повезет попасть в рай. Говорил, что родственники мученика должны не горевать, а радоваться. Чувствовал, наверное, что ему недолго осталось. Но до последнего надеялся, что успеет осуществить заветную мечту», – сказала мама священника.

По ее словам, сын вместе с женой Юлией хотел создать фонд помощи семьям священников, и после гибели отца Даниила к его супруге уже обратились несколько крупных меценатов, которые пожелали поддержать эту идею.

<http://www.isfarinka.ru/news.php?item.719>

Интервью с о.Алексеем Лымаревым

ЖИЗНЬ ЗА ХРИСТА

– Как Вы познакомились с о. Даниилом?

– Мое знакомство с ним произошло во время встречи Даниила с нашим инспектором. Тогда Даниил сидел на вахте и читал какую-то книгу, которая с трудом могла быть освоена кем-либо из нас. Вероятно, это был какой-то философ. Философию и античную, и средневековую, он знал прекрасно и любил погружаться в нее с головой. Одним словом, Даниил был человек энциклопедических знаний и из любой отрасли мог привести массу примеров. К нашему разговору присоединился инспектор, который стал журить Даниила за то, что тот причащался за каждым богослужением. Даниил действительно старался причащаться каждый Воскресный день и говорил, что этого требует святоотеческая традиция, поскольку богослужение совершается для того, чтобы люди причащались, а не присутствовали за Литургией как сторонние богомольцы. Тут же завязался нешуточный богословский диспут тогда еще студента 1-го класса, совершенно «зеленого», с уже маститым священником, монахом, игуменом, инспектором Семинарии. Но Даниил на равных отвечал ему, причем отвечал не от собственного благочестия, а именно так, как и в истории было принято отвечать на подлинных богословских собраниях, где решались сложнейшие вопросы о сущности природы Сына Божия, о синергии, вопросы тринитарные и многие другие. На основании канонических правил, изречений святых отцов и текстов богослужений, священнических молитв, которые для нас вообще тогда были неизвестны, Даниил с легкостью доказал, что каждый человек должен причащаться каждое богослужение. Инспектор парировал Даниилу, что это не традиционно, это не принято, что необходимо поститься и совершать правило. На что Даниил совершенно спокойно говорил: «Я все правила совершаю». Инспектор не мог в это поверить, поскольку он не знал внутреннюю сторону жизни Даниила, который ежедневно прочитывал богослужбное последование келейно, и, успевая прекрасно

(О. Даниил в нашем храме, 2008г.)

сдавать зачеты и экзамены по нашим семинарским предметам, в это же время успевал, не просто успевал, а переживал Литургическую жизнь Церкви ежедневно.

До этого дня я знал Даниила только внешне, несмотря на то, что он учился со мной в одном классе. Мне все время хотелось с ним познакомиться, поскольку он входил в «кружок» студентов особых, увлекающихся. В него входил А.Т. (сейчас служит дьяконом), он писал иконы в древнерусской манере, причем сам растирал краски и левкасил доски. Даниил сам не писал, но понимал искусство глубинно, поскольку его мама – худож-

ник (когда его родители пришли к вере, она научилась писать иконы). Венчальные иконы о. Даниилу тоже написала его мама.

В этот же кружок входил К.С. (сейчас тоже служит дьяконом), он вырезал настолько тонкие миниатюры, что иногда художникам невозможно кистью повторить то, что он делал резцом. В кружок входил и А.Б., который сейчас служит за границей. Интересно, что этот молодой человек с легкостью освоил несколько языков, будучи дежурным на вахте. У А.Б. было такое послушание – сидеть на вахте. И буквально за полтора года он сам изучил латинский и итальянский языки и приступил к изучению третьего.

Вот такая интересная группа людей увлекающихся, истово отдающих свою жизнь интересам Церкви, сложилась у Даниила. И мне очень хотелось познакомиться с этими людьми, и познакомиться не просто формально, а войти в круг их жизни, поскольку эти молодые люди были для меня примером и светом в церковной жизни.

– Откуда, по-вашему, у «зеленого» студента могли появиться настолько обширные познания, чтобы отстаивать свое мнение в споре с инспектором Семинарии?

– У Даниила была изумительная работоспособность. Как-то он сказал, что нет ничего сложного в том, чтобы за день прочесть 2-3 книги. Я удивился: что значит 2-3 книги? Для него же это было просто и естественно. Он читал глазами, читал настолько быстро, что кроме художественной и богословской литературы, ежедневно успевал прочитывать и богослужбное последование, в те дни, когда мы не присутствовали в храме. Это не значит, что он не ходил на службу. Когда это было возможно, Даниил посещал храм вместе со всеми: когда пел в хоре, по воскресным и праздничным дням или в «десятке», когда нес послушание очередного певчего на клиросе. Но кроме этого, он ежедневно вечером совершал Вечерню и Утреню, причем по уставу, так, как это положено, с библейскими песнями. Для нас это все было откровением, поскольку в храмах нигде не исполняются библейские песни за исключением дней Великого Поста. Нашим братьям, которые, в отличие от Даниила, входили в Церковь не имея такого богослужбного опыта, требовалось, наверное, несколько месяцев, чтобы освоить эту науку петь до пометы «на 14» или до пометы «на 6».

Эта уникальная память, эта способность быстро читать и усваивать давала Даниилу возможность свободно чувствовать себя в богословии, т.е. любить и знать его. Мы любили богословие, но редко кто мог похвастаться, что знал учение святых отцов. Даниил знал. Именно поэтому его любили многие студенты, и по этой же причине у него возникала масса трудностей с преподавателями.

Естественно, когда студент превосходил в своих знаниях педагога, это не могло не вызывать определенного рода недоумения. Его присутствие на лекциях превращалось в некое творческое осознание, в творческую переработку того, что он прочитывал. Иногда, если что-то из слов лектора «резало» его слух, он так отрывался от книги, смотрел сквозь очки на педагога, тянул руку и тут же начинал отстаивать свою точку зрения, зачастую приводя преподавателя в замешательство.

– И как при этом складывались его отношения с преподавателями?

– Отношение педагогов к о. Даниилу было не однозначным. Они видели в нем талантливого молодого человека, но понять его до конца не могли. С одной стороны, он знал традиции Православной Церкви в советское время, поскольку сам рос в это время в Церкви, его отец

в это время принял священный сан. Поэтому атмосфера в Церкви советского времени – это та традиция, в которой он был воспитан. А отличалась она известной терпимостью и, я бы даже сказал, неким либерализмом. И, тем не менее, он мог посмотреть на церковную жизнь иначе, с позиций ревнителя за чистоту веры, некоего ригориста. В то же время Даниила без всяких оснований обвиняли в католичестве, т.к. он четко стоял на так называемой юридической позиции искупления, поскольку считал, что это позиция святителя Григория Богослова и отцов Кападокийцев. И при этом его считали диссидентом и неообновленцем, т.к. он старался вернуться к жизни первохристианской общины. Очень часто Даниила воспринимали как выскочку, самоучку, начетчика.

– Значит, столь феноменальные способности не только помогали, но и мешали о. Даниилу в годы обучения в Семинарии?

– Нет, не сказал бы так. Например, лекции Даниил посещал потому, что это было единственное время, которое он мог посвятить чтению книг. Дело в том, что семинарский быт складывался очень интересно: на лекциях должны были присутствовать все обязательно, и сидеть настолько тихо, чтобы было слышно, как летит муха. В другое же время учиться было практически невозможно, поскольку Семинария жила братством любви, общих интересов, ревности по Богу, а самое главное – юношеским задором! Поэтому-то о. Даниил очень любил лекции, т.к. только на них можно было предаться размышлениям и чтению книг.

Это были годы конец 80-х – самое начало 90-х. Тогда только-только стали выпускать духовную литературу. Библия еще была редкостью, хотя уже кое-где появлялась в продаже. Но собрание академической библиотеки ни с чем не сравнить – оно просто уникально. В нем хранятся книги редкие, начиная с XVI-XVII века. Много литературы на иностранных языках. И конечно, всем этим сокровищем постарался воспользоваться студент Даниил.

Почему он не слушал лекций? Я как-то задал ему этот вопрос, на что он совершенно искренне и со смирением ответил: «Все, что нам здесь преподают, я уже знаю». Дело в том, что его родители пришли к вере еще будучи студентами, где-то в 70-е гг. И свою веру они передали родившемуся тогда первенцу – Даниилке. Несмотря на то, что времена были советские, христиане жили одним братством, книги, сохраненные в годы лихолетий, читались и выучивались почти наизусть. Сейчас, при изобилии литературы, уже нет такого трепетного отношения к книге. Более того, в конце 80-х, когда готовилось празднование 1000-летия Крещения Руси, и намечилось некоторое потепление в отношении Церкви, некоторые академические преподаватели выступали с лекциями в Москве. Даниил еще тогда ходил слушать А.И.Осипова и некоторых других. Он лично их знал, лично уже освоил тот материал, который мы только-только постигали. Потому слушать лекции ему было неинтересно, интересно было постигать новое.

– Чем еще, кроме изучения богословских трудов, увлекался о. Даниил в Семинарии?

– Чем постоянно он занимался – это переводом «крюков» и «топоров» (др.русский способ записи музыки) на итальянскую нотацию. Он считал, что подлинное пение, подлинный настрой, которые были в богослужении в прошлые времена, в XIV-XVI столетиях, сейчас утрачены. Это выразилось в богослужении его храма. Хор он составил народный. И люди пели, как правило, в одну ноту, без всякого многоголосья. И это удивительное чувство, когда поет весь храм. Пусть нестройно, пусть нет той красоты партесного пения, той гармонии, к которой привык современный человек. Но здесь есть

гармония человеческих душ. И к этой гармонии он стремился всегда, несмотря на свою внешнюю резкость, поскольку она была только внешней. Внутренне он горел правдой, горел жизнью, горел любовью. Практически все свободное время он переводил нотные записи, чем заражал многих других, даже тех, кто вообще не имел музыкального образования. Однако Даниил умел увлечь, поскольку сам это очень любил. И это свойство: что-то любить и передавать любовь другим, – сохранилось, наверное, до последнего дня.

– Как складывались взаимоотношения о. Даниила с другими семинаристами?

– Даниил очень любил людей и не выносил одиночества. Ему постоянно нужен был друг, товарищ. Один студент для того, чтобы погрузиться в богословскую науку, на двери своей кельи написал: «Друзья – похитители времени». Так вот Даниил был совершенно другим человеком, он успевал все. И его живая натура, и его любвеобильная душа требовала себе друзей, и он не мог остановиться на одном-двух друзьях. Он был открыт всем и каждому. Несмотря на то, что у нас могли быть совершенно различные взгляды на ту или иную проблему, он мог с церковной точки зрения осудить мое мнение или мнение любого другого человека, но это не означало, что он не любил его. Он любил искренне, и любил всех и каждого.

Но его взрывной, любвеобильный, и в то же время, казалось, резкий характер не давал сразу найти с ним контакт. Наоборот, человек даже несколько отдалялся от него. Но, зная Даниила изнутри, можно было сказать, что это была настоящая любовь, любовь к человеку, который не знает, а потому страдает и, значит, требует заботы. Прежде всего, конечно, богословской. Так о. Даниил хотел донести ближнему то великое сокровище, которое он постиг сам. И он искренне удивлялся, как этого можно не понимать, как этого можно не знать, ведь это так красиво!

Вспоминая семинарские годы, хотелось бы вспомнить состояние его души, очень творческой, очень ревностной, живо все воспринимающей, имеющей дух ревнителя, и в то же время душу очень нежную и ранимую. Поэтому «маленькие трагедии», которые происходили, как это обычно бывает в юные годы, вырывали его из этой привычной для него накатанной колеи. Тогда он скорбел и плакал, плакал так, как порой плачет ребенок. В это время он открывал Канон ко Пресвятой Богородице, ходил кругами по Лавре и читал его. И кто мог, кто знал его – присоединялся и вместе с ним молился.

– В начале беседы Вы упомянули о студенческих послушаниях. А было ли послушание у о. Даниила?

Даниил, проходил послушание уставщика. Хотя и тут ему особенно не везло, поскольку его любовь к истовому исполнению богослужения требовала постоянно двойть и тройть тропари, чего не позволял наш церковный студенческий быт. Студенческие богослужения связаны с процессом обучения, с постоянным режимом. Эти же богослужения, где дважды или трижды повторялись тропари и стихиры, длились невероятно долго, поэтому Даниил через некоторое время постарались сместить с этой должности, на которую поставили человека более лояльного.

– Какую роль богословие играло в жизни о. Даниила?

– Даниил очень любил богословие не только как православную философию. Он любил любое проявление православия в жизни. Точнее, любил саму жизнь с Богом, и любой момент ее был для него дорог.

Иногда он отвлекался на некоторое время, останавливался и говорил: «Послушай... Послушай, как красиво звучит стихира Пасхи». Давал тон, а сам начинал распевать мелодию на византийский мотив. Мне почему-то казалось, что он иногда не «строит», но дело не в этом. Дело именно в подходе, как человек может забыть про все и увидеть красоту, казалось бы, в невидимом. Он жил одновременно и в нашем мире, и в то же время он жил с Богом, в мире богослужения, которое наполняло всю его жизнь независимо от того, учился ли он, служил или общался с человеком. Это была его вторая любовь после святых отцов. Эта вторая сторона его жизни проявилась очень ярко во время обучения в Семинарии.

До недавнего времени многие в богословском мире не воспринимали его как серьезного богослова. Это мнение опровергают, в частности, события, связанные с восстановлением единства Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви за рубежом. Московская Патриархия призвала о. Даниила в качестве консультанта, чтобы выяснить, как в исторической перспективе совершались подобные объединения.

Для меня, кандидата богословия, здесь было много вопросов, однако при встрече сразу после назначения о. Даниил буквально за 5 минут рассказал мне, как обстояло дело с подобными проблемами в истории и какие возможные пути их решения он видит сегодня. Причем для этого ему не требовалось заглядывать в справочники, нет, он извлекал информацию из своего сознания. И извлекал эти глубочайшие знания, полученные в Семинарии, с такой скоростью, с какой подчас их невозможно извлечь из глубин Интернета.

– Как при таком трепетном отношении к богословию сложилась его дальнейшая научная карьера?

– Закончив Семинарию, он, безусловно, хотел остаться в Академии, но ему не позволили, т.к. о. Даниил уже был семейным человеком и принял священный сан, а в то время священнослужителей не хватало катастрофически. Поэтому он был отправлен на приходское служение, так что Академию он заканчивал уже заочно.

– Расскажите немного о его семье.

– Лишь небольшая зарисовка вспоминается мне сейчас. Связана она с началом его семейной жизни. Познакомившись с прекрасной девушкой, он понял, что семья невесты его не примет. Были даже «щелчки» со стороны будущего тестя – берегись, обходи наш дом стороной.

Но вот настал день свадьбы. Венчал новобрачных его отец в гимназии «Радонеж». Со стороны невесты никого не было. Ни матери, ни отца – венчание для невесты было тайным. Его невеста, как Авраам, который покинул свое отечество и ушел туда, куда ему повелел Господь. Поэтому свадьбу пришлось играть тайно от родителей. Но с точки зрения канонов это оправданно, поскольку девушка уже была совершеннолетней. По Церковному праву, в случае запрета родителей на брак, она могла принять это решение самостоятельно.

Супруги проживали в отдельной квартире – родители матушки о. Даниила имели такую возможность – дать дочери не только образование, но и возможность к самостоятельной жизни. И обстоятельства семейной жизни развивались просто как в комедийном романе. Как это обычно бывает, когда два молодых человека любят и вступают в брак, у них появляется еще одно желанное и милое существо, с которым они готовы разделить свою любовь, свою жизнь и поделиться тем, что для них дорого.

Уже на втором-третьем месяце беременности, находясь под действием токсикоза, матушке стало плохо в гостях у родителей. Мама сразу же вызвала врача, тот

сказал, что есть небольшие отклонения, но на течение беременности это абсолютно не повлияет. Можно себе представить реакцию матери, которая в одно мгновение стала и тещей, и бабушкой, что не входило в ее планы. Можно только догадываться, какой разразился скандал, но впоследствии, слава Богу, все было улажено. Общее стремление ко Христу перевесило. Родители поняли, что это жизнь их дочери и ничего поделать невозможно. Главное, чтобы люди были друг с другом, чтобы понимали друг друга.

– Мог ли о. Даниил с его потрясающими талантами избрать себе другой путь, не миссионера, а, например, ученого?

– Еду маю, нет. Любовь к Православию и подлинное его знание, знание Бога, не позволяло о. Даниилу спокойно смотреть на то, как другие не могут знать Господа.

– Возможно, в беседах о. Даниил рассказывал, как, по его мнению должен быть сегодняшний миссионер?

– В одной из последних встреч, когда мы с ним обсуждали планы и перспективы миссии на будущее, о. Даниил сказал: подлинным миссионером может быть только тот, кто видит, что другой человек находится в опасности, опасности духовной, что другой не может наследовать жизнь вечную по своим убеждениям, не может приобщиться к Богу, не может быть вместе с Богом, имея нравственные заблуждения или заблуждения в вере. Отсюда исходила вся концепция о. Даниила. Не может человек нечестный, неискренний, не ищущий истины, обрести подлинное счастье своей жизни.

Это и давало силы для его миссионерской проповеди. Поэтому он шел не стесняясь, не смущаясь и не стра-

шая опасностей. У него не было ложного стыда перед протестантами, перед мусульманами, перед людьми, которые просто проходили по улице. Он шел по улице и, если видел человека, останавливал его и мог совершенно запросто с ним говорить о том, что того волнует, о том, что переживает человек. Он пытался подсказать ему пути, как преодолеть эту трагедию жизни, личную трагедию.

Мне вспоминается такой случай. После окончания Семинарии один из наших сокурсников несколько отошел от церковно-приходской жизни. К тому же у него пошатнулось здоровье, случилась трагедия в семейной жизни. Несмотря ни на что, о. Даниил его не бросил и всячески поддерживал и материально, и морально, постоянно приезжал к нему, приглашал к себе в гости и, как только мог, старался помочь ему остаться в Церкви. И до последнего времени у них оставались очень теплые отношения.

Вообще он всячески помогал тем людям, которые уже потеряли веру, потеряли Бога, потеряли самые главные устои жизни. Для каждого у него находилось время. Удивительно то, что при этой колоссальной занятости он ни одному человеку не отказал в слове поддержки, в слове утешения. Если у него иногда не хватало времени, он просил перезвонить. Но так, чтобы сделать театральную улыбку и представить, что все на самом деле хорошо, но за глаза сказать, что вот, мол, болящий донимает, – такого никогда не было. Всегда он был ко всем одинаково ровный. То, что он чувствовал к человеку, о. Даниил выражал на бумаге или в личной беседе.

– Не мешал ли ему при этом его сложный характер?

– Я не назвал бы его характер сложным, скорее необычным. Если же говорить подробно, он не испытывал никакой ненависти к человеку. Он мог испытывать только недоумение с богословской точки зрения: как человек может не понимать традиций святых отцов, как он может не понимать то, что оставлено нам через поколения. Единственное, чего он не понимал – как человек может не видеть истину. В связи с этим у него возникали общественные диспуты и с протестантами, и с представителями ислама, и с представителями других конфессий. О. Даниил не боялся ничего.

– Как проходили такие диспуты?

– С разрешения администрации или духовного начальства протестантской группы он назначал общую встречу, куда приходил один или с 1-2 своими помощниками, которые не участвовали во встрече, они просто учились аргументации, смотрели,

как о. Даниил миссионерствует. Выступал он один. Ему помощников не нужно было никого, потому что он считал своим помощником Бога.

Рассаживались рядом вокруг о. Даниила человек 30-40, иногда 50, протестантов. Сначала он задавал им вопросы, потом на вопросы отвечал сам. При этом удивлял их знанием Священного писания. Обычно протестанты прекрасно знают текст Библии, но он не просто цитировал, он воспроизводил огромные фрагменты.

Я до сих пор помню его Библию, которую он буквально за пару лет настолько зачитал, что она просто разваливалась. Мне ее пришлось переплетать, и облож-

ку я сделал с металлическими вставками, чтобы она послужила ему очень долго.

О. Даниил знал Священное писание гораздо лучше, чем знают его протестанты. Знал как эти места толкуют святые отцы золотой эпохи христианства, знал, как об этом писали комментаторы Средневековья. Он мог воспроизвести оригинал на иврите или на греческом. Нельзя сказать, что о. Даниил прекрасно знал иврит или свободно мог читать на древнегреческом языке. Он знал язык со словарем, но трудные места Священного писания он запоминал в оригинале. Но самое главное – он знал, как эти места понимали носители этого языка. Он мог сравнивать версии: греческий вариант, древнееврейский, сирийский перевод и славянский. Как говорил святитель Игнатий Брянчанинов, «его ум плавал в водах Священного Писания». Это действительно было уникально. Это поражало протестантов и ставило их в тупик. На предложенные им вопросы они не могли ответить, и в то же время не было того вопроса, на который не мог бы ответить о. Даниил.

– Да, беседы с протестантами требовали феноменального знания Священного писания, но беседы в исламской среде требовали такого же гениального знания Корана...

– Нечто подобное было и с мусульманами. Назначив однажды общественный диспут, о. Даниил пригласил на него своих студентов из Семинарии, которые стали свидетелями того, как совершенно просто он владеет и текстом Корана, как ставит вопросы, как сводит трудные места коранических текстов и вскрывает те внутренние противоречия, которые существуют в этом тексте. После этого многие люди с недоумением смотрели на своих учителей – имамов, не понимая, как они не могут знать текста Корана так, как знает его православный священник.

О. Даниил не смущался ничем, он предлагал встретиться еще раз и подготовиться к ответам на те вопросы, на которые им было трудно найти ответ в этот раз. Более того, он заранее предлагал тему диспута. Кроме всего прочего, чтобы не было обвинения в том, что он плохо знает ислам и неправильно толкует его, он спрашивал разрешения, чтобы посещать лекции по богословию в исламской среде. В это же время, чтобы у мусульман не сложилось превратного представления о православии, он приглашал их на свои собственные беседы, которые проводил еженедельно в своем храме.

После одного такого диспута несколько человек со стороны мусульман покинуло зал. О. Даниил не смутился, поскольку считал, если человек искренний, если он действительно хочет познать истину, ничто ему препятствовать не может. И то, что стало нашим общим убеждением впоследствии, говорит о том, что он был готов к любому диалогу подойти непредвзято, искренне. «Если кто-нибудь сможет доказать, что мы на пути заблуждения, что мы неправы, мы готовы от этого отказаться» – эта искренность подкупала тех людей, с которыми беседовал о. Даниил.

– Как столь активная миссионерская деятельность отразилась на приходской жизни его храма?

– В 2004-2008 гг. я жил недалеко от о. Даниила, потому у меня была возможность часто посещать его, общаться и видеть то, что происходит на его приходе. Сегодня он шел к протестантам, завтра – к мусульманам, послезавтра служил молебен для татар на их родном языке. Это уникальный случай, когда он взял благословение у Владыки на проповедь среди татар. И плодов было очень много. У него в приходе среди ближайших его помощников было много именно татар. Самое интересное было другое, что так близко к нему не было

иных людей как те, которые пришли из ислама. Хотя, скорее всего, это люди от ислама далекие – только внешне назывались мусульманами. Ведь того, кто искренне верит, практически невозможно в чем-либо переубедить.

Служил он практически каждый день. Уже будучи настоятелем храма и будучи при этом единственным священником, он совершал 4-5 богослужений в неделю, несмотря на то, что жизнь его была наполнена лекциями, которые он читал и в храме, и на Крутицком подворье, и в Семинарии, и в других местах.

– Помните, когда ему начали угрожать?

– Однажды после одного из таких диспутов он мне рассказал, что в его адрес поступила угроза убийства: в течение месяца обещали привести приговор в исполнение. Я отнесся к этому весьма скептически, поскольку с трудом понимал, как можно убить человека, если он не принимает твоего мировоззрения? Может быть, это отпечаток, который накладывает на нас Православие: как вообще можно лишить человека жизни?

– Какое впечатление угрозы убийства произвели на о. Даниила?

– Еще со студенческих лет о. Даниил философски относился и к жизни, и к смерти. Над его кроватью висела табличка с надписью: «Все пройдет». И казалось порой, что перед нами стоит один из древних античных философов, который не заботится ни о чем земном, а заботится прежде всего о душе и о своих близких. Действительно, это был философ, для него ничего не существовало из материального мира. Его абсолютно не интересовало, что одеть или что съесть, для него словно не существовало внешнего мира, он жил только одной любовью к Богу, к вере, к людям.

Именно поэтому еще со студенческой скамьи он мечтал о том, чтобы стать мучеником. Он говорил: «Хорошо стать мучеником или хорошо уйти в конце жизни в монастырь, чтобы закончить жизнь так, как один из великих подвижников». Но мне казалось это ребячеством, казалось, что все это в духе максимализма Даниила. Какое в XX веке может быть мученичество? Именно поэтому прозучавшую угрозу я не воспринял как настоящую.

Я назвал его жизнь жизнью философа, но это была жизнь еще и праведника. Однажды я заметил, что он не ходит на завтраки. Потом, когда я его замучил расспросами, оказалось, что по средам и пятницам он не принимает пищу до 9 часа, как говорит Типикон, т.е. до 15 часов дня – до нашего студенческого обеда. И так было на протяжении всей студенческой жизни. Думаю, это было так же, и когда он стал служить на приходе. Это был действительно человек веры, который не хвалился тем, что он делает, но он жил так, как считал необходимым,

как его научили святые отцы. Действительно научили, потому что он их любил, по-настоящему любил, поэтому и знал.

Возвращаясь к диспутам, можно сказать, что он призывал людей к истине. Он не звал их к себе в храм, он звал их ко Христу. Потом уже неоднократно, когда мы встречались, он говорил: «Меня убьют, а ты не забудь, о чем мы с тобой говорили». В одну из последних встреч, когда у нас было достаточно времени, чтобы посидеть и поговорить, он, как будто ему был пророческий голос, заговорил: «Меня зарежут, а ты не забывай, моего дела». На это, конечно, хотелось сказать, что нужно думать о жизни, о чем Господь повелел думать: о тех людях, которых Он тебе вручил, о семье, о трех дочках, которые ждут своего отца каждый день дома. И детишек он называл так необычно, но обычно для себя: Юстиниана, Дорофея, или Фея, и Ангелина. Святая Дорофея при жизни удостоилась получить в пророческом видении яблоко из райского сада... Почитайте жития этих святых – вам многое станет ясно.

И весь он был не такой как мы. Перефразируя слова одного древнего философа Востока, так хочется сказать

про о. Даниила: При жизни, возлюбленный брат, ты был беспокойным ревнителем, и умереть ты не мог спокойно, поэтому да примешь от Господа славный венец мученика!

Беседовал с о. Алексеем Лымаревым Федор Курприянов

ЖИВАЯ ВЕРА!

19 ноября 2009 года произошла трагедия, ставшая личным горем, безграничным горем для семьи убитого священника. Детки потеряли отца. Несомненно, это событие и в жизни Православной Церкви, и в ее истории. Событие, полное горечи, лихорадочной работы ума и сердца для близких и духовных чад о. Даниила. Событие, быстро скатившееся до одного из череды громких убийств для телевизионного электората. И уже заслуженное новыми личными трагедиями. Это факт. Современная внешняя жизнь стремительна.

И только маленький деревянный храм во имя апостола Фомы, застыл, замер в том событии. В своем увядании застыли цветы в ограде храма, обильно увитой ими. Застываешь в мыслях и ты, когдаходишь в этот храм. Сейчас, именно в эти дни, чутко ощущаешь тишину чувств людей, работающих и служащих здесь. Они как бы слушают себя и слышат слова о. Даниила: **«Убийца согрешает, нарушая заповедь Божью, но волю Божию нарушить он не может»** и исполняют свои обязанности.

Внутри храма тишина особая. Обилие живых цветов рядом с местом убийения батюшки (разноцветных, ярких красок) эту тишину овеществляют. Это состояние тишины – в душах людей, в тихой продолжающейся исповеди у священника, в звучании чтения богослужебного круга. Вспоминаются строки самого о. Даниила Сысоева из последней его книжки «Инструкция для бессмертных или что делать, если Вы все-таки умерли»: «Самая лучшая смерть для христианина, конечно, мученическая за Христа Спасителя. Это самая наилучшая смерть, которая возможна для человека в принципе» и далее: «В древней Церкви никогда соболезнования не посылали, когда кого-то где-то убивал. Все церкви всегда немедленно посылали поздравления. Представляете, поздравить с тем, что у них появился новый защитник на Небесах!» (стр.32)

А как хочется привычно с кого-то громко требовать. Найти и громко покарать убийцу. Где ВСЕ люди? Где ВСЯ большая Москва? Почему в моем пионерско-комсомольском воображении православные не идут рядами и колоннами?

И опять новое личное открытие – ЖИВАЯ ВЕРА.

Живую Веру я увидел и прочувствовал в молодых юношах и девушках, которые на улице ждали гроб с телом своего духовного ОТЦА и ВОСПИТАТЕЛЯ. Не в теплом помещении своего миссионерского центра. Они на крыльчке храма тихо и размеренно по очереди читали Псалтырь.

Живая Вера – этот храм, его община на крае спального и сложно населенного района «бегущего» города. Только Живая Вера священника о. Даниила так ярко и мученически соединенная и в словах, и в смелом взгляде в черные глаза над медицинской маской, и в твердом ответе: «Я Сысоев», на вопрос явного убийцы, уже сделавшего выстрел в храме...

*Владимир Торопов,
прихожанин храма свт. Николая в Толмачах*

«ЕСЛИ МЕНЯ ГНАЛИ, БУДУТ ГНАТЬ И ВАС» (Ин. 15,20)

Как часто жизнь убеждает нас в истинности слов, сказанных Господом нашим Иисусом Христом всем народам на все времена. Прошло около двух тысячелетий со времен преследований первых христиан, несколько десятилетий тому назад прокатилась страшная волна гонений на христианство в нашей стране, но тогда было время атеистического насилия и власти тьмы, сегодня же на дворе демократичное время со свободой совести, конституцией, правозащитными организациями и прочими институтами защиты прав человека, но так и нет ничего нового под солнцем, по-прежнему угрожают и убивают самых мирных и мудрых людей – православных священников. Все, как и прежде: одним живое слово Божие несет радость спасения, а у других вызывает злобу, ненависть и попрание любого общественного закона и порядка. Иными словами, борьба света и тьмы, гонения на истину не закончатся до скончания века, и кто, преумножая добро, реально угрожает злу силой открытой, бескомпромиссной и бесстрашной проповеди слова Божьего, против того и восстают силы злобы поднебесной, как и ранее находя своих человеческих исполнителей.

Священник Даниил был выдающимся и бесстрашным миссионером и проповедником слова Божьего, и никто из его противников не мог достойно сразиться с ним и превзойти в публичной дискуссии, потому что он нес слово неопровержимой истины. И тогда его убили, поздно вечером, в священнических одеждах, прямо в храме, построенном его же неутомимыми усилиями. «Где Сысоев?» – наперсный крест обогрился пролитой кровью мученика. Невольно вспоминается Гефсиманская ночь и предатель, обратившийся к Христу, и распятие, и смерть, и воскресение.

Если человека убивают за исповедание веры и слово, значит оно сильнее любого оружия и пытки, потому что это слово продолжает жить и убить его невозможно; оно посеяно, и даст свои всходы, и приумножится – именно так оно и дошло до нас, начатое Иисусом Христом, продолженное апостолами и священниками, одним из которых и был пламенный иерей Даниил.

Нашей семье посчастливилось лично знать отца Даниила; мы путешествовали с ним по Святой Земле и иногда встречались. Однажды я оказался случайным свидетелем его разговора о предстоящем паломничестве в Израиль, и, когда он задорно предложил своим знакомым присоединиться, я поднял руку с просьбой взять и меня. Гагаринский ответ «Поехали» меня вдохновил (до этого только мечтал побывать на Святой Земле), но, признаюсь, особенно не думал об этой встрече. По сказанному слову все свершилось, и мы две недели путешествовали по святым местам. Это отдельная история. Хочется только сказать, что батюшка, где бы мы не были, всегда ходил в подряснике с наперсным крестом и с Библией наперевес. О Данииле не давал нам покоя, много рассказывал из библейской истории, читал Святое Писание практически во всех местах, где нам удалось побывать, толковал, задавал нам

вопросы, постоянно проверяя наше знание и понимание Писания. И все это было естественно, как само собой разумеющееся, но только, как сейчас говорят, очень динамично и продуктивно. Грешным делом, от таких скоростей даже закралась мысль о немилосердии отца Даниила, и лишь потом, обсуждая поездку с женой, мы осознали, что за все это время мы практически ни о чем, кроме Священной Истории и веры не говорили. Батюшка как-то всегда испытывал нас, когда стыдил, а иногда и восторженно радовался нашим правильным суждениям, постоянно побуждая нас мыслить и рассуждать, словом, вел себя как настоящий наставник. Но и позднее,

когда бы мы не встречались, он говорил только о Боге, вере и спасении; я таких людей в мирской жизни больше не встречал.

Однажды совершенно неожиданно он зашел к нам и задорно пригласил сходить помолиться в его только что построенной маленькой часовне на Кантемировской; по дороге он уже оживленно делился планами строительства деревянного храма на месте этой часовни. Часовню, похожую на маленький сарайчик, мы обнаружили только когда близко к ней подошли, да и то по деревянному кресту на крыше. Мы едва в ней уместились втроем; полумрак, на стенах бумажные иконы, помолиться, было чувство как у первых христиан в пещерах. На обратном пути батюшка продолжал рассказывать о строительстве храма, а у самого не было ни средств, ни разрешений, ни реальных помощников – только твердая вера, молитва и негибаемое стремление. На сегодняшний день деревянный храм апостола Фомы стоит, за последнее время несколько раз расширился; в нем идут регулярные службы, звучит проповедь, проводятся катехизаторские беседы, читаются богословские лекции... в нем же батюшка и был убит вечером 19 ноября перед алтарем при исполнении своих служебных обязанностей.

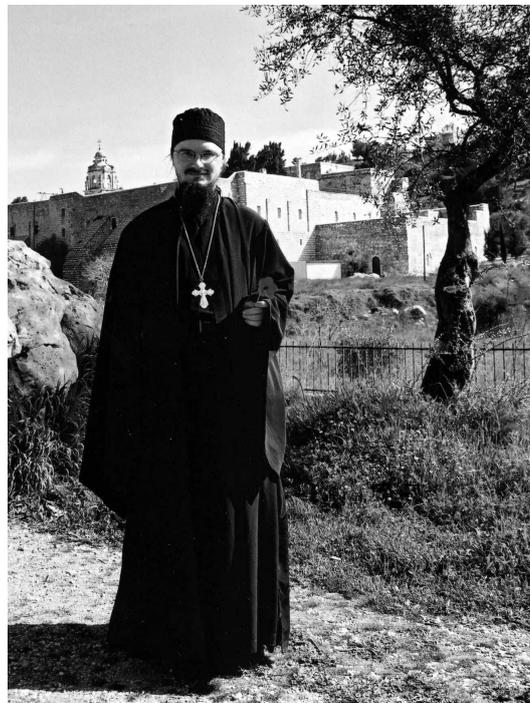
Ему было всего 35 лет, но за время своей короткой земной жизни батюшка сделал колоссально много: кроме повседневной священнической службы он писал и издавал книги, читал и записывал лекции и проповеди, вел обширную миссионерскую работу, заботился о строительстве большого каменного храма во имя пророка Божия Даниила, словом, ревностно и самоотверженно служил Богу и людям. Верю, что новый храм будет

построен, потому что это дело уже начато словом отца Даниила, а его слово не расходится с делом.

Путешествуя по Святой Земле нельзя не обратить внимания на ярко алые цветы; порой они растут прямо среди камней и очень контрастно выделяются. Глядя на них, у меня возник образ пролитой крови Иисуса Христа, запечатленной в этих цветах. Мы вышли из монастыря Креста, что в Иерусалиме, и я попросил батюшку сделать памятную фотографию; на ней он в черном подряснике с наперсным крестом и аленьким цветочком в руке. Сейчас этот наперсный крест, обогранный пролитой кровью убиенного исповедника и мученика священика Даниила, лежит на престоле алтаря в храме апостола Фомы. А мы знаем, что на крови мучеников утверждается христианская церковь. Так что для нас отец Даниил не только истинный христианин и пастырь Божий, но и само утверждение христианства в начале 21 века.

И еще одна мысль пришла на ум – при земной жизни батюшки мы все-таки не узнали его посещения. А узнали ли бы самого Христа, если бы он ходил сейчас по земле...

*Николай Беляков,
прихожанин храма свт. Николая в Толмачах*

КОТОРЫЙ ЕСТЬ ВЕЛИЧАЙШАЯ РАДОСТЬ, ЗА КОТОРУЮ МОЖНО ОТДАТЬ ВСЕ И САМУ ЖИЗНЬ

Те люди, которые убили отца Даниила, не понимают что они сделали. Когда таким образом уничтожается добро на земле, добро приобретает большую силу! Люди которые распинали Христа, видели, что Он проповедует совсем не то, во что верили они и хотели прекратить Его проповедь, хотели заставить Его замолчать, потому что Он их обличал – лживых, лицемерных, злых, жадных людей. Людей которые служили дьяволу. Они не знали как это сделать, и решили Его убить. И что же? Они победили? Глупые люди. Христос Воскрес! И вера во Христа по всему миру распространилась. Хотя мы живем далеко от того места, где Христос пострадал, хотя живем через столетия после Его смерти – мы знаем о Христе. Нельзя убить добро – оно неуничтожимо, нельзя убить истину – она все равно побеждает, нельзя убить саму жизнь, потому что душа создана Богом бессмертной. И когда вот так делают эти люди они помогают утвердиться добру с еще большей силой.

В прошлом веке многие люди были убиты и замучены и что получилось? Вера восторжествовала! Посмотрите сколько открывается храмов, люди приходят к Богу. Разве победили убийцы? Победили мученики!

И конечно, отец Даниил победил. Те люди, которых он призвал к вере, те люди которым он проповедовал Христа, они только еще больше утвердятся в этой вере.

И мы с вами должны идти этим путем. Должны не бояться быть свидетелями веры Христовой.

Но, конечно, нам нужно молиться о душе отца Даниила, потому что мы не знаем Суд Божий, но надеемся, что если Господь даровал ему такую мученическую кончину, он возьмет его к себе в Небесные Обители, упокоит его со святыми. Будем молиться об этом с надеждой и радостью!

Будем молиться и о его жене, у него осталось трое детей – им сейчас очень тяжело. Нужно помогать им.

Протоиерей Аркадий Шатов

ОН ХОДИЛ ПРЕД БОГОМ

Отца Даниила я знаю десять лет – с октября 1999 года. Мы познакомились на одной конференции, где оба выступали. Он позвонил мне накануне, а в сам день выступления я увидел, как впереди меня идет человек в рясе и сразу понял, что это и есть тот самый «диако́н Даниил Сысоев», с которым я говорил по телефону.

Было что-то общее и в его голосе, и в его походке, то, что выражало его уникальность и позволяло безошибочно узнать даже в толпе, даже со спины, даже почти незнакомому человеку.

В одном из предсмертных интервью отец Даниил сказал «Мы должны ходить перед Богом, как говорил Господь про Еноха – «ходил Енох перед Богом и Бог взял его». Вот это хождение пред Богом – корень миссии».

Если коротко охарактеризовать отца Даниила – он ходил пред Богом. И, хотя это прежде всего состояние души, всецело устремленной к Богу, но оно находило

свое выражение даже буквально, – в его походке, речи, не говоря уже про поступки и слова.

Он шел легко, как человек, который знает куда и зачем идет, который спокоен в настоящем и не тревожится о будущем, потому что все заботы поручил Господу, Который для него близок как Любящий Отец.

За эти десять лет много раз я слышал от отца Даниила, что он хотел бы умереть как мученик. В его речах о мученичестве не было ни мрачной торжественности, ни болезненной экзальтации, он говорил это просто и радостно.

Помню, как пару лет назад в Македонии, куда мы вместе приехали, я привел отца Даниила в амфитеатр античного города Битола. Во времена Римской империи здесь на потеху толпе язычников скармливали зверям людей. По бокам сохранилось два маленьких помещения, в которых держали зверей, прежде чем выпустить их на арену, а по центру – одна каморка в человеческий

рост, откуда выходили осужденные на растерзание. Долодлинно известно, что таким образом в этом амфитеатре приняли смерть за Христа несколько мучеников ранней Церкви. И я сказал отцу Даниилу: «Вот, отче, можете встать туда, где стояли мученики перед выходом на подвиг». И он вошел в эту темную каморку. Помню как он стоял в ней и глядел оттуда в небо.

Наверное, с таким же сосредоточенным спокойствием он смотрел и на своего убийцу.

После окончания семинарии отец Даниил стал преподавать Закон Божий в старших классах Православной гимназии «Ясенево». Мне запомнился один случай из его рассказов о том времени. Он как-то дал ученикам тему для сочинения: «Что останется после меня? Что возьму я с собой?» И некоторые родители к нему потом пришли и возмущались: «Разве можно детям давать такие темы? Им не надо напоминать о смерти». На что он отвечал: «А что, ваш ребенок бессмертен?» Отец Даниил был убежден, что поскольку смерти никому из нас не избежать, то нужно к ней должным образом подготовиться – для чего у христианина есть все необходимое, и чем раньше начать готовиться, тем лучше.

С 1996 г. отец Даниил стал вести миссионерские беседы на Крутицком подворье, был сподвижником отца Анатолия (Берестова) в созданном им Душепопечительском центре имени святого праведного Иоанна Кронштадтского. Он встречался и разговаривал с сектантами и оккультистами, проповедуя им и обращая в Православие.

Кроме отца Даниила я не знаю другого человека, который мог бы смело войти в любую аудиторию и начать разговор с человеком любых религиозных взглядов – и при этом ему всегда было, что сказать по существу. Он был истинным миссионером и любил рассказывать людям о Христе, любил, когда от светильника его души другие души зажигались огнем евангельской радости.

Батюшка очень почитал своего небесного покровителя – пророка Даниила, и как раз от него получил миссионерское устремление, как он сам мне рассказывал. Когда-то, читая книгу пророка Даниила, батюшка обратил внимание на слова: «И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде – как звезды, вовеки, навсегда» (Дан. 12:3). «И я подумал, – говорил он, – а здорово это: сиять, как звезда».

За свою жизнь он крестил более восьмидесяти мусульман и обратил в Православие около пятисот протестантов. Весьма многие, даже среди тех, кто не был согласен с ним по каким-либо вопросам, удивлялись и восхищались его мужеству. Были такие мусульмане, кто приходил к нему, чтобы обратить его в ислам, а в результате сами принимали от него крещение.

И, что удивительно, его активная миссионерская деятельность, нисколько не мешала его приходским трудам и обязанностям. Один из моих друзей, алтарник в храме отца Даниила, незадолго до смерти батюшки признавался мне, что удивляется, насколько без остатка и без пощадки к себе отдаёт он себя другим людям, особенно прихожанам.

Действительно, он себя не жалел. Помню, однажды он сломал ногу. Благочинный не смог дать ему священника на замену. Тогда отец Даниил с ногою в гипсе сам ездил в храм и служил, преодолевая боль. Все прихожане и все знакомые помнят отца Даниила как человека веселого и жизнерадостного, но мало кто знает, как часто он терпел скорби от болезней – особенно от сильной головной боли и от сердечной боли. Но батюшка не показывал своих страданий, и всегда был внимателен к многочисленным прихожанам, каждого выслушивал и давал совет.

Отец Даниил был глубоко порядочным и честным человеком. Батюшка был из тех, про кого можно было заранее знать, что если что-то понадобится, то стоит лишь обратиться, – и он не откажет. Для меня он был образцом священника. Все, что он делал, он посвящал Христу, творил во имя Его.

Самый последний день земной жизни отца Даниила начался с литургии, которую он отслужил и за которой, естественно, причащался. Затем он присоединил к Православной Церкви женщину, пришедшую из старообрядчества. Затем совершил крещение. Несколько часов спустя начал, как обычно, вести библейские беседы, после которых разговаривал допоздна со всеми желающими. Наконец, когда в храме почти никого не осталось, пошел в алтарь исповедовать свое духовное чадо. В это время в храм ворвался убийца, который начал стрелять и выкрикивать: «Где Сысоев?» Отец Даниил бесстрашно вышел из алтаря ему навстречу и принял мученическую кончину за Христа.

Юрий Максимов

ОРГАНИЗОВАН СБОР ПОМОЩИ СЕМЬЕ УБИЕННОГО О.ДАНИИЛА СЫСОЕВА

Желающие помочь семье убиенного отца Даниила Сысоева: матушке Юлии и их трем дочерям, Иустине, Дорофее и Ангелине, могут сделать это **банковским переводом**:

Получатель: Сысоева Юлия Михайловна

Счет получателя: 4230 6810 2382 5490 8930

Банк получателя: ОАО Сбербанк России Люблинское отделение 7977/01315

ИНН: 7707083893

к/с 30101810400000000225

Бик: 044525225

Кошелек Яндекс-деньги: 41001490442413 или e-mail: y.sysoeva@yandex.ru

С другими способами оказания помощи матушке Юлии можно ознакомиться на специальной страничке Миссионерского портала при храме пророка Даниила на Кантемировской (<http://mission-center.com>).

Как предупреждает Миссионерский портал при храме пророка Даниила на Кантемировской, «в связи с этим громким событием появляются некоторые люди или организации, публикующие свои реквизиты с пометкой, что средства можно пожертвовать на них. Юлия Михайловна обращается ко всем, что есть только единственные банковские реквизиты и единственный кошелек «Яндекс.Деньги», принадлежащие ей лично, доступ к которым есть только у нее. Если Вы переводите средства на другие счета, то матушка Юлия их может не получить».

© Толмачевский Листок. Издается по благословению прот. Николая Соколова. Тираж 999 экз.

Над номером работали Котрелёва Татьяна, Кравцова Татьяна, Куприянов Федор, Куприянова Елена и Моисеева Мария.

Желающие помочь в издании Листка могут обращаться к Куприяновой Елене или Куприянову Федору. Будем рады любой помощи!

Свои статьи и предложения присылайте на e-mail – vtolmachah@mail.ru. Официальный сайт храма www.vtolmachah.ru

Уважаемый читатель! Если Вы прочли Листок и он Вам больше не нужен, пожалуйста, не используйте его для хозяйственных нужд, а принесите в библиотеку храма или отдайте его сотруднику за свечной ящик. Спасибо!